

18+

Девочка, которой я была

*Дженнива
Роуз*

Она хочет исправить
девочку, которой была

Jenava Rose

The girl
i was

Дженнива Круз

Девочка,
которой
я была

*Девочке, которой я была.
Без тебя я не стала бы собой*

Дорогой читатель!

Если вы выбрали эту книгу, потому что любите мои триллеры, имейте в виду: этот роман не имеет с ними ничего общего. Он написан от сердца, и я буду счастлива, если он придется вам по душе. Спасибо за то, что читаете мои книги.

С любовью, Дженива Роуз

*Иногда мне хочется, чтобы жизнь
писалась карандашом и мы могли бы все стереть
и переписать заново.*

Тисури Ваньяраччи

ГЛАВА 1

Алексис

ПОСТУКИВАЯ ПАЛЬЦАМИ по письменному столу, бросаю взгляд на часы в правом нижнем углу монитора. Вот только милого цокающего звука ногти не издают — у меня привычка их грызть. Все тридцать с лишком лет, что живу на свете, я пытаюсь отучить себя от этой привычки. Но безуспешно. Странные они, эти ногти. Постоянно норовят оказаться поближе к зубам. Словно жаждут быть обкусанными.

До конца рабочего дня две минуты, но для меня они растянулись в вечность — настолько не терпится вернуться домой и подготовиться к особенному свиданию, которое запланировал мой бойфренд Эндрю. Я понятия не имею, куда мы пойдем и что будем делать, но Эндрю велел одеться наряднее. А для этого необходимо время; шутка ли — перемерить не меньше дюжины различных вариантов! Правда, скорее всего, я остановлюсь на самом первом. Так обычно бывает.

Из оцепенения меня выводит звук выдвигающихся и задвигающихся ящиков в соседних кабинках. Шарканье ног и чей-то громкий смех сигнализируют об окончании рабочей недели.

Рука тут же подлетела к компьютерной мыши. Но в тот момент, когда я собиралась выйти из системы, в верхней части моей электронной почты засветилось письмо

с темой: «ПОЖАЛУЙСТА, ЗАЙДИТЕ В ОТДЕЛ КАДРОВ». Я готова взвыть: начало уик-энда под угрозой срыва! Но взгляд уже скользит к календарю, приколотому кнопками к стенке моей кабинки. Останавливаюсь на словах, написанных и подчеркнутых напротив понедельника: «Годовщина: год работы!»

Прочитав надпись, да еще подкрепленную письмом из отдела кадров, я не смогла сдержать улыбку. Большинство людей опасаются вызовов кадровика, если только они не контрактные сотрудники и не уведомлены о том, что их должность станет постоянной по истечении года работы. А это как раз мой случай! Я, Алексис Спенсер, пока внештатный менеджер по ведению социальных сетей. Но вскоре буду работать на постоянной основе. И кадровичка, должно быть, в преддверии выходных решила поднять мне настроение добрым известием. Как мило с ее стороны! Впрочем, я почти год отвечала в Сети на комментарии потребителей, жалующихся на слишком тонкую туалетную бумагу или плохую впитывающую способность прокладок, и, безусловно, заслужила это.

С нежностью смотрю на суккулент, стоящий на моем столе. Его подарил Эндрю, когда я получила эту работу. Он сказал, что растение принесет мне успех — иначе и быть не может, ведь это суккулент! Я не уверена, что такая примета действительно существует. Возможно, Эндрю выдумал ее. Но я все равно полюбила растение.

— Вот он и настал, тот самый заветный день, Сукки, — растираю я между пальцами один из плотных, мясистых листочков на удачу. И да, имя, которое я дала суккуленту, должно сказать все, что вам нужно знать обо мне.

Эндрю наверняка будет расширять от гордости. Да это и понятно: я не давала ему поводов гордиться мной на протяжении многих лет. После окончания колледжа в течение десяти лет периоды временного трудоустройства чередовались у меня с безработицей. Но сегодня все переменится!

Улыбаясь, встаю со стула и направляюсь в отдел кадров. Я движусь к цели, тем более что до нее осталось несколько шагов. И если кто-то из моих сослуживцев еще задержался на работе, у них есть шанс увидеть совершенно другую, новую женщину: голова высоко поднята, плечи расправлены.

Дважды стучу в дверь кабинета кадровички.

— Входите, — откликается Джанет; ее голос приглушен массивным деревянным полотном, как раз и предназначенным для того, чтобы сохранять беседы в стенах ее кабинета конфиденциальными.

Войдя, застаю Джанет за рабочим столом. Наша кадровичка — пышка с темными глазами и вечно хмурым выражением лица (это связано с ее работой, полагаю).

— Здравствуйте, я получила по электронной почте письмо с распоряжением явиться в отдел кадров, — признаю я, стараясь скрыть за рядовой улыбкой переполняющее меня ожидание триумфа.

Джанет откашливается, перекладывает с одного места на другое несколько папок.

— Да. Алексис Спенсер. — Жестом приглашает меня присесть.

— Единственная и неповторимая, — заявляю я, опускаясь на стул. И, заправив за ухо прядку волос, снова одариваю кадровичку обычной улыбкой — не желаю показаться слишком нетерпеливой и выдать, что счи-

тала дни до этого знаменательного момента (а я их считала).

— Вы проработали у нас по контракту почти год...

Я киваю; похоже, Джанет тоже вела подсчет.

— И вы отлично справлялись со своими обязанностями, активно участвуя в развитии социальных сетей, рассматривая жалобы потребителей и общаясь с ними.

— Благодарю вас. — Моя натянутая улыбка сменяется искренней. Сейчас все свершится! Я наконец-то стану постоянной сотрудницей.

В моей жизни редко происходит что-то хорошее. Но, похоже, я быстро привыкну к этому пьянящему, головокружительному ощущению успеха — в животе словно порхает рой бабочек. И это заставляет сесть еще чуть прямее. Меня даже не волнует повышение зарплаты. Меня прельщают бонусы! Оплачиваемый отпуск. Дантист. Свой пенсионный счет по пресловутому плану 401 (к)*, о котором постоянно талдычит Эндрю. Не говоря уже о вожденной медицинской страховке. В прошлом году, когда я сломала руку, упав с лестницы в баре, мне оставалось только уповать на то, что кости со временем срастутся правильно и все обойдется без последствий. А когда я попала в аварию — хорошо, в две аварии, — я оба раза отказалась от скорой помощи и вызвала такси, чтобы доехать домой. Да, конечно, мне пришлось заплатить таксистам за уборку салонов, поскольку я заляпала кровью обивку, но зато я сэкономила кучу

---

* План 401 (к) — это наиболее популярный пенсионный план (накопительный пенсионный счет) частной пенсионной системы в США. Свое название план получил по номеру статьи Налогового кодекса США — 401 (к). — *Примечание переводчика. Далее — примечания редактора.*

баксов и не умерла. Выгадала! А теперь я наконец буду проходить ежегодный медосмотр. Из-за того, что власти отказали отцу в моем медицинском обслуживании в тот день, когда мне стукнуло двадцать шесть, последний раз я проходила его шесть лет назад. Не слишком приятный подарок ко дню рождения... Но теперь я обязательно отправляюсь в клинику со своим личным полисом и заявлю там: «Док, у меня есть и постоянная работа, и страховка. Обследуйте меня с головы до пят».

— Однако... — Джанет колеблется, опустив взгляд на папку, но вскоре вновь поднимает его на меня. И поджимает губы, прежде чем произнести: — Мне жаль это говорить, Алексис, но мы вас отпускаем.

— Отпускаете меня? Куда? — спрашиваю я.

Кадровичка смотрит на меня безучастно:

— Из компании.

— Что-что? — Запнувшись, я наклоняюсь вперед. — Почему? Меня заверяли, что через год работы по контракту я получу постоянное место.

Джанет трясет головой:

— Боюсь, такому не бывать. Компания решила делегировать ряд задач сторонним подрядчикам.

Мои глаза распахиваются в изумлении.

— Но они же уже делегированы. Мне.

— Отныне руководство планирует привлекать контрактников даже не на этом континенте. Я сожалею, но нам опять урезали бюджет, и мы вынуждены сокращать расходы... так или иначе. — Джанет продолжает смотреть через мое плечо; взгляд ее мечется из стороны в сторону, как маятник тех чертовых часов, чье тиканье я слышу за спиной. Ей хочется покончить с неприятной формальностью и забыть про работу на выходные.

— Понятно, — лепечу я. — Но мне хотя бы полага-
ется выходное пособие? — Я толком и не знаю, что это
такое, но слышала подобную фразу в одном из эпизодов
комедийного сериала «Офис».

— Нет, — произносит Джанет так медленно, как буд-
то разговаривает с ребенком. — Вы внештатный сотруд-
ник, и вам не положены никакие пособия. — Опять от-
кашлявшись, кадровичка встает. — Мне нужно, чтобы
вы освободили свой стол и сдали пропуск.

Я опускаю глаза на бейджик, приколотый к блузке.
У него красная рамочка, а не зеленая, как у постоянных
сотрудников компании. Имя и фамилия — Алексис
Спенсер — выведены жирными черными буквами под
снимком, на котором я запечатлена в своем лучшем при-
киде, с улыбкой до ушей. Это фото было сделано в мой
первый рабочий день в компании.

— А можно я оставляю его себе? — спрашиваю я, по-
глаживая жесткий пластик. — На память.

Джанет протягивает руку ладонью вверх:

— Нет. Из соображений безопасности уволенным
сотрудникам не разрешается сохранять у себя пропуски.

Вздохнув, я медленно отцепляю бейджик от блузки,
чтобы сдать кадровичке. Но пальцы сжимаются, норо-
вя удержать его хотя бы еще на секунду. Джанет чуть ли
не силой вырывает пропуск. А затем достает из-за стола
картонную коробку и ставит передо мной:

— Я сопровожу вас до рабочего места, чтобы вы
смогли собрать вещи.

Неохотно поднимаюсь со стула и беру коробку.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы меня сопровождали
до рабочего стола. Пока еще держусь на ногах, — шучу
я, но голос ломается, выдавая неуместную браваду.

Джанет бросает на меня строгий взгляд:

— Это политика компании, Алексис.

Бессмысленные правила всегда выпренне именуются «политикой». Обезоруженная, я выхожу следом за Джанет из кабинета и плетусь за ней по коридору. Пока мы идем, кадровичка то и дело оглядывается на меня. Как будто я какая-то преступница, за которой надо следить в оба.

— Я буду здесь на тот случай, если вам что-нибудь понадобится, — говорит Джанет, останавливаясь у моего крошечного темного закутка.

Еще несколько минут назад этот уголок с тонкими перегородками казался райской обителью, из которой мне должны были открыться врата в еще более величественный чертог. А теперь эта клетушка напоминает открытый гроб для моих надежд и мечтаний. Оглядев рабочий стол, сознаю: все на нем, за исключением Сукки, принадлежит компании.

— По-моему, мне не потребуется коробка, — бормочу я, протягивая руку к растению. Но случайно опрокидываю горшок, и на моем бывшем столе рассыпается земля. — Беру свои слова назад.

Через несколько минут Джанет закрыла за мной парадную дверь, поспешно заперла ее на замок (словно опасалась, что я ворвусь обратно в здание) и помахала из-за стекла. И вот я бреду по оживленным улицам Чикаго, сжимая коробку, слишком большую для крошечного растения.

Люди высыпают из высотных зданий «Петли»*, топясь проскочить без пробок домой, чтобы встретить

---

* «Петля» (Chicago Loop) — название исторического делового центра города Чикаго.

уик-энд. Но какой уик-энд у безработной? Просто конец временного отрезка? Ведь отныне мне не придется трудиться пять будних дней. Я всей грудью вдыхаю бодрящий городской воздух — комбинацию дизельного топлива автобусов, хот-догов и халяльных фуд-кортов. Издалека доносятся автомобильные гудки и вой сирены — неперемный атрибут любого крупного города. Уже середина октября, и на улице довольно зябко, из-за ветра, дующего с озера Мичиган, становится все холоднее. Опустив коробку на асфальт, я надеваю жакет, обеспечив себе уровень защиты, недоступный Сукки. А когда снова подхватываю коробку, горшок опрокидывается вторично. Несчастный суккулент, похоже, этого не переживет. А я? Переживу? Не уверена...

В этот момент вибрирует телефон. Я достаю его из сумки. Это Эндрю.

— Привет, — щебечу слишком радостно.

— Алексис? Что стряслось? — тут же спрашивает Эндрю.

Мы знаем друг друга четырнадцать лет. Так что он прекрасно осведомлен о том, что я особа не очень веселая, особенно после долгого рабочего дня. Поначалу мы с Эндрю просто дружили. Потом сошлись ближе, но пробыли парой полгода. Время для таких отношений оказалось неподходящим, и мы снова стали друзьями. Лучшими друзьями, из тех, что тайно любят друг друга, но очень боятся в этом признаться (из страха потерять другого). Но в конце концов мы преодолели все страхи и опасения, сумели вновь найти дорогу друг к другу, и с тех пор вместе. Думаю, мы могли бы уже быть женатыми и даже иметь детей. Но я из тех, кого «не так-то легко любить». Сразу оговорюсь: это мои слова, не Эндрю.

— Ничего... Просто закончила работать и иду сейчас домой. — Я умалчиваю о том, что работать в компании закончила навсегда.

Врезавшийся в мое плечо бегун чуть не выбивает коробку из рук. Я с трудом, но все-таки удерживаюсь от того, чтобы наорать на него. Потому что понимаю: стоит мне это сделать, и я сломаюсь окончательно.

— А-а, понятно. Ладно. Ты предвкушаешь наше особенное свидание сегодня? — спрашивает Эндрю.

Запрокинув голову и глядя вверх, я беззвучно вою в небо. Свидание — это последнее, чего мне в данный момент хочется.

— Конечно, — вру я, силясь придать голосу восторженное нетерпение.

— Отлично. У меня получится уйти с работы пораньше, так что скоро буду дома. Люблю тебя, — говорит Эндрю.

Мне кажется, он сейчас улыбается. Эх, как бы мне хотелось соответствовать Эндрю! Разделить его энтузиазм. Но, увы, он мне не свойственен. И никогда не был прищ, если не считать тех мимолетных мгновений счастья, что я сегодня испытала, перед тем как все рухнуло. Мне не стоило обнадеживать себя, ведь я же знаю: мои надежды никогда не оправдываются. И ничем хорошим для меня ничего и никогда не заканчивается.

Я пыталась быть оптимисткой. Правда пыталась. Но это невозможно. На самом деле это биология, как я поняла со временем. Древний защитный механизм. Люди изначально все видели в худшем свете, они должны были относиться ко всему с подозрением, чтобы уберечь себя от потенциальной опасности — например, от тигра, прятавшегося в густых зарослях. Конечно, человечество

со временем изменилось и всякое такое. Но, похоже, я, в отличие от Эндрю, не эволюционировала. И по-прежнему остаюсь своей примитивнейшей версией. И даже два десятка книг по личностному росту, прочитанных для развития позитивного мышления, не сотворили чуда. Сказать по правде, они сделали меня еще большей пессимисткой.

— Я тоже тебя люблю.

Закончив разговор, замираю у кромки тротуара. Наблюдаю за пронсящими в обе стороны автомобилями. Я уже понимаю: особенного свидания у нас с Эндрю сегодня вечером не получится. Потому что я хорошо себя знаю.

